

ся центральный революционный комитетъ, и сверхъ того всюду игралъ роль еврейскій бундъ. Вообще, по утверженію проф. Шимапа, современное русское движеніе окажется совершенно необъяснимымъ, если замалчивать роль, сыгранную въ немъ русскимъ еврействомъ, такимъ образомъ русскую революцію съ одинаковымъ основаніемъ можно назвать и еврейскою. Для подавленія замысловъ крайнихъ партій правительству пришлось прибѣгнуть къ суровымъ репрессіямъ, которыя Шимапъ безусловно оправдываетъ. «Революціонеры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи постепенно, цѣною безплоднаго пролитія крови», говоритъ онъ, «начинаютъ убѣждаться, сколь невѣроятно легкомысленное дѣло—ихъ вооруженное возстаніе. Они и теперь уже намѣреваются вернуться къ старымъ методамъ терроризма. Изъ разныхъ классовъ общества будутъ намѣчаться жертвы, пока общество само не придетъ на помощь социаль-революціоннымъ цѣлямъ. Однако у общества, кажется, уже достаточно открылись глаза, и можно опасаться другого—какъ бы русскій народъ въ массѣ не подвергъ грозному самосуду социаль-революціонеровъ и русскихъ и инородческихъ республиканцевъ, которые выставляютъ нелѣпыя требованія, въ забвеніи народной вѣры въ святость царской власти» («Московскій Голосъ»).

Малоземельнымъ!

Въ мѣстечкѣ Мурафѣ Подольской губ. нѣкто г. Мороховичъ вычиталъ, какъ японцы культивируютъ пше- ницу, и какой у нихъ бываетъ урожай. Желая убѣдиться, примѣнимъ ли ихъ способъ обработки земли и у насъ съ тѣми же послѣдствіями, Мороховичъ въ сентябрь 1905 г. засадилъ (а не засѣялъ) участки земли, взрыхливъ предварительно такуюю руками по-японски, отборною рожью на разстояніи 4 вершковъ отъ одного зерна до другого. И что же теперь оказалось? Каждое зерно, сообщаютъ одесскія газеты, дало кустъ въ 10—35 стеблей со столькими же, понятно, колосьями: въ каждомъ изъ послѣднихъ находится 30—40 зеренъ, т. е. средній урожай получился самъ-шестьсотъ! Чтобы наглядно убѣдить крестьянъ, особенно малоземельныхъ, въ великомъ преимуществѣ этого способа обработки (взрыхленіе земли, посадка на ней отборныхъ зеренъ въ 4-вершковомъ разстояніи одного отъ другого—и все руками), г. Мороховичъ, выставилъ кусты вмѣстѣ съ землей, въ которой они коренились, въ 6 волостяхъ, съ предложеніемъ писарямъ и старшинамъ объяснять крестьянамъ, какимъ образомъ получились такіа чудеса. Если на это обратитъ вниманіе хоть 1 проц. земледѣльческаго населенія на первое время, то неиспытанный до сихъ поръ способъ обработки окажетъ великое благодѣ-

ніе: при немъ не можетъ быть, чтобы нижняя часть стебля выпрѣла (подгнила) отъ тѣсноты и пр.

VI.

Протоіерей Гавріилъ Іоанновичъ Поповъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Во вторникъ, 11 іюля сего года, около 5½ часовъ вечера скончался отъ аневризма сердца Ректоръ Саратовской духовной Семинаріи, протоіерей Гавріилъ Іоанновичъ Поповъ.

Покойный былъ сынъ недавно умершаго протоіерея села Малой Быковки Николаевского уѣзда, Самарской губерніи.

Первоначальное образованіе Г. І. получилъ въ Волжскомъ духовномъ училищѣ (1858—9 г.), изъ котораго, послѣ открытія духовнаго училища въ г. Николаевскѣ Самарской губерніи, перешелъ (въ 1860 г.) въ послѣднее, которое окончилъ въ 1864 г. вполне успѣшно и въ августъ того же года поступилъ въ «историческій» (нынѣшній-первый) классъ Самарской духовной Семинаріи, по окончаніи ученія въ которой въ 1871 г. назначенъ былъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную Академію.

Здѣсь, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Г. І. выслужилъ полный курсъ наукъ общеобязательныхъ и специальныхъ по церковно-практическому отдѣленію и особая практическо-спеціальныя лекціи по словесности, исторіи литературы, логикѣ и гомилетикѣ.

Въ концѣ іюля 1875 г. Г. І. назначенъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Иркутскую духовную Семинарію, гдѣ онъ, кромѣ того, состоялъ надзирателемъ и титоромъ при воспитанникахъ а также-членомъ епархіального ревизіоннаго комитета и членомъ педагогическаго собранія семинарскаго Правленія.

Съ 1876 по 1880 г. Г. І. преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Иркутской женской гимназіи и техническомъ училищѣ «съ примѣрною, какъ сказано въ аттестатѣ совѣта техническаго училища (отъ 18 іюля 1880 г. за № 138), аккуратностью и полнѣйшимъ знаніемъ дѣла, благодаря чему ученики его всегда оказывали по этому предмету отличные успѣхи».

Въ 1880 г. съѣздъ уполномоченныхъ отъ духовенства николаевскаго, самарской губерніи, училищнаго округа, единогласно закрытою баллотировкою избралъ Г. І. на должность смотрителя Николаевскаго духовнаго училища, что для избраннаго было большою неожиданностью, такъ какъ избраніе его на эту должность произошло, какъ сказано въ протоколѣ съѣзда, «не по личной просьбѣ, а по надобностямъ службы».

Одновременно со службою въ духовномъ училищѣ,

Г. I. исполнял обязанности директора мѣстнаго тюремнаго отдѣленія.

Въ мартѣ 1888 г. Г. I. перемѣненъ былъ, согласно его желанію на должность смотрителя Вольскаго духовнаго училища, управляя которымъ въ теченіе 15 лѣтъ, Г. I. состоялъ въ тоже время (съ конца октября 1896 г.) членомъ мѣстнаго отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и пожизненнымъ членомъ Общества возстановленія правосл., хр-ва на Кавказѣ (съ 19 сент. 1900 г.), съ правомъ носить присвоенный сему званію знакъ.

Въ мартѣ (20) 1903 г. Г. I. назначенъ былъ указомъ св. Синода на должность ректора Саратовской духовной Семинаріи, въ каковой должности и скончался.

Таково официальное curriculum vitae Гавріила Іоанновича Попова. Оно, конечно, мало говоритъ тѣмъ лицамъ, которыя прочтуть эти строки, а равно и всѣмъ тѣмъ, которыя лично знали Г. I. только и исключительно съ официальной стороны. Но пинущій эти строки зналъ покойнаго не съ одной только этой стороны, а и со многихъ другихъ сторонъ, и объ этихъ-то сторонахъ онъ и намѣренъ разсказать своимъ читателямъ.

Молодой, физически крѣпкій, энергичный, отъ природы умный и хорошо образованный въ высшей духовной школѣ, сгорая нетерпѣніемъ приложить свои знанія къ дѣлу—такимъ приступилъ Г. I. къ исполненію своихъ преподавательскихъ обязанностей въ Иркутской духовной Семинаріи. Если о комъ, не погрѣшая противъ дѣйствительности, можно сказать, что «у него знаніе гармонически сочеталось съ умѣніемъ»; то это надо сказать именно о Гавріилѣ Іоанновичѣ. Къ этому надо прибавить, что онъ относился къ своимъ ученикамъ всегда и неизмѣнно съ полною объективностью и большою сердечностью, что ученики высоко цѣнили и за что очень уважали своего «любимаго учителя». Не меньше того любили и уважали его, какъ преподавателя и человѣка, и ученики-техники и ученицы-маринки. Какъ Г. I. велъ дѣло въ техническомъ училищѣ, это мы уже знаемъ изъ выданнаго ему 18 іюля 1880 г. аттестата, о преподаваніи же его въ маринской женской гимназіи скажемъ коротко: онъ былъ кумиромъ для своихъ ученицъ.

Вполнѣ задушевно относились къ Г. I. и всѣ сослуживцы его, особенно-же сослуживцы по духовной семинаріи. Вотъ что, между прочимъ, говорилъ Г. I. одинъ изъ преподавателей семинарии при проходахъ его изъ Иркутска въ Николаевскъ: «Корпорация преподавателей во главѣ съ начальствующими собралась въ... послѣдній разъ почтить тебя, Гавріилъ Ивановичъ, какъ добраго сослуживца. Дѣйствительно, почти за пять лѣтъ службы среди окружающихъ тебя сейчасъ лицъ ты умѣлъ снизить себя своимъ неліцемернымъ, добрымъ расположе-

ніемъ къ сущимъ съ тобою, любовью, выраженіемъ которой и служить теперешнее собраніе наканунѣ твоего выбытія изъ нашей среды. Теперь ты можешь оставить насъ съ чистымъ сознаніемъ, что ты не оставляешь послѣ себя ни одного врага, скажу меньше—недруга. Да и могъ-ли ты оставить хотя и послѣдняго? Въ твоей душѣ не было надменныхъ и злонамѣренныхъ струнъ... Твое благородное сердце дышало добротой неподдѣльной и искренностью, оно вмѣщало такую полноту и теплоту чувствъ, что невольно своимъ обаяніемъ приковывало къ себѣ каждого, кто желалъ быть близкимъ къ тебѣ... За то, что ты былъ *человѣкомъ*, прими отъ насъ увѣреніе въ искреннихъ къ тебѣ чувствахъ и храни объ насъ, какъ и мы объ тебѣ, доброе воспоминаніе». ¹⁾

Въ этихъ словахъ товарища-оратора нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія: такимъ именно человѣкомъ мы знали Г. I. по Николаевскому духовному училищу, гдѣ намъ, вскорѣ по окончаніи курса въ казанской духовной Академіи, пришлось быть учителемъ и соработникомъ съ Г. I.

Училище это и какъ зданіе, и какъ учебное заведеніе, до назначенія въ него Г. I. было ниже всякой критики: зданіе было двухъ-этажное, полукаменное (верхній этажъ-деревянный), маленькое, классы тѣсные, проходные: а приготовительный классъ помѣщался въ коекакъ приспособленной къ жилому помѣщенію галлерей при зданіи училища. Интерната для учениковъ при училищѣ не было: они ютились по убогимъ квартирамъ въ «городѣ», который, кстати сказать, былъ тогда (въ 1880-хъ годахъ) скорѣе похожъ на большое, неустроенное село, чѣмъ на въ общепринятомъ словѣ городъ...

Внутренніе распорядки въ училищѣ, какъ и самое обученіе учениковъ, были таковы, что всякому свѣжему человѣку невольно приходилъ въ голову вопросъ: «да неужели это—учебное заведеніе? да гдѣ-же здѣсь воспитаніе и обученіе?!» Мы, впрочемъ, объ этомъ не будемъ распространяться: это пока не своевременно... Скажемъ только, что Николаевское духовное училище въ то время доведено было, совокупностью антипедагогическихъ мѣръ, до такого печальнаго состоянія, что на примѣнныхъ экзаменахъ, напр.; въ самарской духовной семинаріи «николаевцы» своими отвѣтами даже суровыхъ экзаменаторовъ—«неулыбъ» приводили въ самое веселое настроеніе, а затѣмъ десятками возвращались во свояси «для пополненія знаній» своихъ... Въ виду такого, ежегодно повторявшагося, печальнаго явленія, въ средѣ духовенства Николаевского училищнаго округа возникалъ вопросъ о закрытіи училища...

¹⁾ См. брошюру: «25-лѣтній юбилей Смотрителя Вольскаго Дух. Училища Г. Ив. Попова и отвѣды его изъ г. Вольска на должность Ректора Саратов. Дух. Семинаріи». Свящ. Евг. Шенева. Саратовъ. 1904 г. стр. 2.

И оно, навѣрно, было-бы закрыто, если-бы не восторжествовало мнѣніе нѣкоторыхъ изъ духовенства, городского и окрестнаго, о перемѣлѣ училищной администраціи, каковое мнѣніе нашло себѣ поддержку и въ лицѣ ревизора изъ корпораціи преподавателей самарской семинаріи. И вотъ училищная администрація обнѣвилась. Какъ нѣкогда для водворенія порядка въ Россіи были призваны варяги, такъ и Гавріилъ Ивановичъ Поповъ призванъ былъ духовенствомъ округа изъ Иркутска для водворенія дисциплины и ученія въ николаевскомъ духовномъ училищѣ.

Было-бы долго рассказывать, какъ происходило это «водвореніе», скажемъ только что николаевское училище и какъ зданіе, и какъ школа, въ какихъ-нибудь три-четыре года изъ «бросоваго» обратилось въ почти-что образцовое, и по отчету Оберъ—Прокурора св. Синода за 1883—4 учеб. годъ оно, какъ школа, ²⁾ считалось *третьимъ* по достоинству изъ числа болѣе 150 духовныхъ училищъ въ Россіи! Это—фактъ, значеніе котораго особенно выросло отъ того, что «николаевцы» и на пріемныхъ экзаменахъ не стали «рѣзаться», и во время своего обученія въ самарской семинаріи стали занимать въ своихъ классахъ первыя мѣста...

Недаромъ духовенство николаевского училищнаго округа искренно опечалилось, когда узнало о поремѣщеніи Г. И. въ г. Вольскъ, куда, кетати сказать влекли Г. И. сколько родственныя связи (по женѣ, столько-же и желаніе дать дѣтямъ своимъ образованіе при себѣ, не обременяя своего скуднаго бюджета. ³⁾ Духовенство благословило Г. И. иконою Казанской Божіей Матери и проводило его въ Вольскъ самыми теплыми и искренними пожеланіями ему на новомъ для него мѣстѣ службы.

Но особенно тепло прощалась съ нимъ училищная корпорація: «Всегда пріятливый, радушный, вы невольны располагали къ себѣ всѣхъ знавшихъ васъ. Ваше прекрасное сердце лучше другихъ могли оцѣнить мы, по своему служебному положенію, поставленные ближе къ вамъ. Какъ начальникъ, требуя исполненія долга, вы, какъ человѣкъ, никогда не пользовались недочетами и промахами, неизбежными въ жизни, какъ средствами дѣлать зло...

Гуманность и доброжелательство... выражались въ вашихъ отношеніяхъ и къ воспитанникамъ: вы никогда не смотрѣли на учениковъ, какъ на матеріалъ, подлежащій безстрастной оцѣнкѣ съ точки зрѣнія балловъ: свойственная вамъ человѣчность заставляла васъ и въ каждомъ изъ нихъ видѣть человѣка. И потому вы съ

сожалѣніемъ, съ болью въ сердцѣ назначали такое наказаніе, какъ увольненіе ученика изъ заведенія». ⁴⁾

Но особенно ярко обрисована личность Гавріила Ивановича, какъ начальника Николаевского духовнаго училища и какъ человѣка, въ письмѣ къ нему г. З., бывшаго преподавателя того же училища:

«Дорогой и глубокоуважаемый Г. И.» пишетъ г. З.—«Теперь... вы не заподозрите меня въ заискиваніи, такъ какъ вы уже не состоите моимъ начальникомъ. Я искренно и глубоко любилъ и люблю васъ. Лучшаго и болѣе тактичнаго начальника я еще не встрѣчалъ. Вы оставили во мнѣ самое свѣтлое воспоминаніе и служите мнѣ путеводною звѣздой въ жизни: если бы мнѣ Богъ когда либо судилъ быть начальникомъ, то я постарался бы быть похожимъ на васъ. Вы взяли своимъ значеніемъ не плуть и палку, а благородство и вѣру въ лучшія силы людей,—вѣру, побуждающую вашихъ подчиненныхъ къ дѣйствительности» ⁵⁾...

Такимъ же характеромъ отличалась дѣятельность Г. И. въ Вольскомъ духовномъ училищѣ, которому онъ вѣрою и правдою прослужилъ ровно 15 лѣтъ. (22 марта 1888—20 марта 1903 г.). И здѣсь, какъ въ Николаевскѣ, его дѣятельность цѣнилась очень высоко, что очень опредѣленно сказалось въ празднованіи (21 сент. 1900 г.) 25-лѣтняго юбилея его педагогической службы.

Инициаторами юбилейнаго торжества были уполномоченные духовенства Вольскаго училищнаго округа, которое, собравшись въ Вольскѣ 17 іюля 1900 г. и «принявъ во вниманіе полезную для училища дѣятельность Г. И., въ должности смотрителя училища, засвидѣствованную неоднократно г.г. ревизорами—членами учебнаго Комитета (при св. Синодѣ) ⁶⁾ и съѣздами окружнаго духовенства, и внимательное истинно-отеческое отношеніе къ дѣтямъ-ученикамъ, постановили... почтить... Г. И. Попова... преподнесеніемъ ему иконы Спасителя въ серебро-позлащенной ризѣ и адреса, «что и было исполнено 21 сентября 1900 года. Въ адресѣ особенно оттенены были «гуманность въ отношеніи къ учащимся, снисходительность, доступность, простота, общительность и миролюбіе въ отношеніи къ членамъ училищной корпораціи» и ко всѣмъ тѣмъ, кому приходилось входить съ юбиляромъ въ сношеніе. «Вотъ», говорится далѣе въ адресѣ,—«драгоценныя качества вашей души, которыя способны вызвать въ людяхъ, знающихъ васъ, только довѣріе и уваженіе, а среди учащихся у васъ создать большую популярность» ⁷⁾...

⁴⁾ См. 3 и 4 стр. той-же брошюры.

⁵⁾ См. 4 стр. той-же брошюры.

⁶⁾ Всѣ синодальные ревизоры аттестовали Г. И., какъ смотрителя Николаевского и Вольскаго дух. училищъ, съ вѣдущей стороны, вслѣдствіе чего Г. И. два раза награждался орденами «въ правдѣ», минуя ордена «очередные».

⁷⁾ См. 10 и 11 стр. той-же брошюры.

²⁾ Зданіе осталось старое. Для новаго зданія при Г. Ив. было куплено обширное мѣсто, зданіе же построено уже безъ него, въ концѣ 1890-хъ годовъ.

³⁾ Въ Николаевскѣ въ это время, кромѣ дух. училища, были только начальныя городскія училища.

Въ празднованіи юбилея приняли живое участіе также училищная корпорація и учащіеся и посторонніи лица: начальствующіе и учащіе другихъ учебныхъ заведеній вольскихъ, нѣкоторые члены городской Думы и Земской Управы и многія интеллигентныя лица Вольска. Почти все эти лица произносили рѣчи, общій смыслъ которыхъ тотъ, что «двѣнадцать лѣтъ службы Г. И. въ должности смотрителя Вольскаго духовнаго училища это—свѣтлая страница въ жизни этого училища»⁸).

На юбилей прочитаны были письма и телеграммы, присланныя юбиляру изъ разныхъ концовъ Россіи бывшими его сослуживцами, учениками, знакомыми и просто «слышавшими» о немъ, какъ о хорошемъ администраторѣ и вмѣстѣ сердечномъ человѣкѣ...

Въ рѣчахъ, письмахъ и телеграммахъ единодушно высказывалось пожеланіе, чтобы Г. Ив. не оставлялъ своей службы въ Вольскомъ духовномъ училищѣ ради благополучія послѣдняго и чтобы дожить до 50-лѣтняго юбилея своего.

И Г. И. готовъ былъ подчиниться этому пожеланію и рѣшилъ въ душѣ навсегда остаться въ Вольскѣ въ качествѣ-ли смотрителя, или-же въ качествѣ приходскаго священника, каковымъ онъ желалъ быть впоследствии, когда, по преклонности лѣтъ, духовно-училищная служба станетъ для него не силамъ. Но Промыслъ Божій судилъ иначе: 20 марта 1903 г. Г. И. назначенъ былъ на вакантную должность ректора Саратовской духовной семинаріи.

Назначеніе это было полною неожиданностью для Г. И., но онъ покорился волѣ Владыки, Преосвященнаго Гермогена, не желавшаго никого изъ мѣстныхъ дѣятелей, кромѣ Г. И., видѣть на посту ректора Саратовской семинаріи.

Въ апрѣлѣ 1903 г. Г. И. переѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ вскорѣ былъ посвященъ во священника, а затѣмъ возведенъ въ санъ протоіерея.

Отъѣздъ⁹ его изъ Вольска и проводы его были обставлены торжественно и сердечно: 17 апрѣля въ залѣ духовнаго училища, въ присутствіи корпораціи преподавателей и учащихся былъ отслуженъ напутственный молебенъ, передъ началомъ и по окончаніи котораго было много произнесено благодарственныхъ словъ и напутственныхъ рѣчей, въ которыхъ ораторы то радовались назначенію Г. И. на высокой постъ ректуры, то печаловались, что училище остается «безъ своего добраго, дорогого Гавріила Ивановича», съ которымъ въ теченіе 15 лѣтъ успѣло органически сродниться...

На память объ училищѣ Г. И. получилъ отъ окруж-

⁸ См. 5 стр. той-же брошюры, а также 6—3 стр.; гдѣ помѣщены поздравительныя рѣчи, письма и телеграммы.

⁹ Онъ подробно описанъ на 37—57 стр. той-же брошюры.

наго духовенства и училищной корпораціи преподавателей иконы Спасителя, а отъ учениковъ дѣнный чайный сервизъ въ футлярѣ.

Впрочемъ, съ отъѣздомъ въ Саратовъ связь Г. И. съ Вольскомъ не прерывалась: онъ отъ времени до времени посѣщалъ послѣдній и всякій разъ его встрѣчали здѣсь съ большимъ радушіемъ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Вольское отдѣленіе Саратовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, членомъ котораго Г. И. состоялъ, какъ выше сказано, съ 1896 г.; поднесло ему кандидатскій священническій крестъ, изящный портфель и адресъ. Въ послѣднемъ ярко характеризуется дѣятельность Г. И.; какъ члена сказаннаго отдѣленія,—члена, «являвшаго собою примѣръ добросовѣтнаго и усерднаго отношенія къ святому дѣлу народнаго образованія въ духѣ православной вѣры».

Повышеніе по службѣ не измѣнило душевной, давно опредѣлившейся, настроенности Г. И.: ректура измѣнила его костюмъ, душою же онъ остался тѣмъ же добрымъ, привѣтливымъ, сердечнымъ человѣкомъ, какъ былъ до ректуры, и также какъ и раньше, на смотрительскомъ посту съ честью несъ свое служебное знамя на пользу духовнаго юношества въ оправданіе возложенныхъ на него Высшею властью надеждъ.

Если эти надежды не осуществились полностью, то причины этого крылись не въ Г. И.; не въ неумѣнн или недостаткѣ съ его стороны энергіи, а въ тѣхъ общихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которые въ послѣдніе особенно три года сложились такъ неблагоприятно для жизни и дѣятельности среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, что о какихъ либо крупныхъ реформахъ или даже частныхъ только измѣненіяхъ нечего было и помышлять: такая миссія, какъ всемъ извѣстно изъ единичныхъ, групповыхъ и массовыхъ волненій и забастовокъ, оказалась не по плечу даже весьма авторитетнымъ начальствующимъ лицамъ, пользующимся при томъ же заслуженною извѣстностью*).

Мы далеки отъ мысли—причислять къ такимъ лицамъ покойнаго о. ректора нашего, но мы въ то же время, полага руку на сердце, можемъ, безъ преувеличенія, сказать, что Гавріилъ Ивановичъ Поповъ—одинъ изъ немногихъ ректоровъ духовныхъ семинарій какъ въ административномъ, такъ и учебно-воспитательномъ отношеніи, въ воспитательномъ—въ особенности. И если

* Эти наши слова пусть послужатъ отвѣтомъ на помѣщенную въ № 147 «Сарат. Листка» замѣтку, въ которой сказано какъ бы въ укоризненномъ смыслѣ, что должность ректора семинаріи Г. И. пришлась, «не по плечу». Если и всемъ вообще начальникамъ учебныхъ заведеній ихъ начальническія роли были въ данное бурное время не по плечу, то само собой понятно, что покойный о. ректоръ въ этомъ отношеніи не могъ исключать собою исключенія. Но въ такомъ случаѣ... за что же укорять человѣка?!

Саратовская духовная семинарія волновалась въ послѣднее время сравнительно съ другими духовными семинаріями мало, то здѣсь сыграла свою роль тонкій тактъ и сердечныя чисто-отеческія отношенія къ семинаристамъ.

Къ сожалѣнію, не всѣ семинаристы должнымъ образомъ понимали эти отношенія и шли и противъ него, и противъ вообще *modus vivendi* семинаріи, что крайне огорчало о. ректора и подтачивало его безъ того сильно разстроенное здоровье, особенно же его больное сердце, которое, наконецъ, не выдержало...

Покойному о. ректору было около 57 лѣтъ. Въѣтъ о его кончинѣ быстро облетѣла городъ, и въ квартиру его (въ зданіи семинаріи) потянулись вереницы лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій, пожелавшихъ отдать почившему послѣдній христіанскій долгъ и помолиться за упокой души его, при чемъ на гробъ покойнаго были возложены нѣсколько металлическихъ и изъ живыхъ цвѣтовъ вѣнковъ. Изъ нихъ одинъ былъ отъ Вольскаго духовнаго училища.

13 іюля около 9 часовъ утра семьею (кромѣ жены-вдовы, остались 5 сыновей и 4 дочери) усопшаго гробъ съ его останками вынесенъ былъ въ кафедральный соборъ, куда въ началѣ литургіи прибылъ Преосвященный Гермогенъ, совершилъ послѣ литургіи, въ сослуженіи нѣсколькихъ лицъ (16) градскаго духовенства, чинъ отпѣванія усопшаго.

За литургіей и во время отпѣванія надъ останками почившаго о. ректора были произнесены «Слова» и «Рѣчи», которыя мы здѣсь и помѣщаемъ.

Во время литургіи, передъ выходомъ со Св. Дарамъ для причащенія вѣрующихъ, бывший ученикъ усопшаго о. ректора, студентъ III курса Кіевской духовной Академіи, іеродіаконъ Веніаминъ произнесъ слѣдующее задушевное «Слово», которое мы, по недостатку мѣста, вынуждены помѣстить въ значительно сокращенномъ видѣ.

С Л О В О.

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теленіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ Праведный Судія. (II Тим. IV. 7—8).

Сія слова Свящ. Писанія, братіе—христіане, осушествлены возлюбленнѣйшимъ, почившимъ уже, незабвеннымъ нашимъ дорогимъ о. ректоромъ на самомъ дѣлѣ, въ самой этой жизни скоротечной. Дѣйствительно, кроткій и любвеобильный обликъ нашего добраго пастыря церкви Божіей свидѣтельствовалъ и являлъ въ немъ подвижника вѣры во Христа, подвижника благочестія.

Незабвенный наставникъ, любвеобильный учитель, незамѣнимый воспитатель—отецъ юности скончалъ свое земное поприще и водворяется нынѣ съ праведными: «покой, Спасе нашъ, съ праведными» поетъ св. церкви. И какъ не пѣснословить память сего вѣрнаго, смиреннаго служителя алтаря Господня, какъ не ублажать память того, кто былъ правиломъ вѣры и образомъ кротости христіанской!

Да, чтимъ искренно, всѣмъ сердцемъ, честную память твою мы всѣ стояще около тебя, незабвенный воспитатель юношей христіанъ. Глубоко скорбимъ, что ты на время съ нами разлучаешься, но и радуемся твоему тихому, мирному отшествію изъ сего бурнаго житейскаго моря, моря суеты, все святое гонящаго и неспровергающаго... Скорбимъ потому, что не стало между нами видимаго, одобряющаго примѣра смиреннаго, но ревностнаго служителя Царя Небеснаго и Царя земнаго. Радуемся потому, что небесная, вѣчная, блаженная жизнь, въ которую ты водворяешься, краше всѣхъ заманчивыхъ и ласкающихъ, но обманчивыхъ предестей міра сего...

Людимъ вѣка сего, міролюбцамъ, конечно, пріятно пользоваться здоровьемъ, пріятно быть въ довольствѣ и изобиліи, пріятно украшаться одеждами, пользоваться почестями, пріятно смотрѣть на красоту природы, слушать и наслаждаться пѣніемъ, музыкой. Все это пріятно! Но все это пріятное говорить лишь болѣе о чувственной, плотской сторонѣ человѣческаго существа и бытія. Когда-же мы, христіане, углубимся въ ту незримую, небесную, блаженную страну, въ которую отошелъ нашъ дорогой учитель, то все, что люди обычно считаютъ здѣсь пріятнымъ, тамъ становится лишь только мерцающимъ, незамѣтнымъ отблескомъ незаходимаго Вѣчнаго Солнца, дающаго ни съ чѣмъ не сравнимую благодатную радость о Дусѣ Святѣ въ постоянномъ, непрерывномъ, духовномъ утѣшеніи—Богообщеніи. Уже одно понятіе, что здѣсь—земля, брѣніе, а тамъ—небо, нетлѣніе, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о превосходствѣ будущей жизни предъ жизнею настоящей.

Въ эту вѣчную, блаженную жизнь отошелъ отъ насъ возлюбленнѣйшій, дорогой нашъ учитель. Какъ евангельскій добрый пастырь, подвизался онъ добрымъ подвигомъ, подвизался не лицемѣрно, не лицемѣрно исповѣдалъ предъ всѣми вѣру, любовь, надежду христіанскія; исповѣдалъ мужественно въ то антихристіанское время, когда почти все стонетъ и вопіетъ отъ беззаконій и злодѣйствъ людскихъ, когда мятежемъ возмечается земля, зовущая на путь широкій, но пагубный... Не христіанскій это путь! «Аще кто захочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ» (Матѣ. XVI. 24)». Вотъ истинно-христіанскій